

Сегодня. — 1996. — 30 марта. —

с. 10

Сергей Ливнев: самовыражаться мне не интересно

Татьяна Рассказова

— Несколько лет назад вы сочинили сценарий к фильму Соловьева «Асса». В какой момент вы почувствовали себя причастным к созданию культовой картины? Может быть, молодые люди стали делиться последней щепоткой кокаина, а девушки давали понять, что не прочь завести от вас детей?

— Все эти прекрасные вещи, вероятно, произошли с другими участниками фильма. Конечно, по поводу «Ассы» был шум, но на моей бытовой жизни он не сказался.

— А на творческой? Разве вас не принялись тянуть за рукава и склонять к сотрудничеству все, кому не лень?

— Ну, в общем, да, появились какие-то предложения. Многие двери стали открываться. «Асса» послужила толчком: благодаря ей я смог войти в кино, а тогда это было довольно сложно, кинематографический мир был закрытым.

— Вы хотите сказать, что теперь он более открыт и доступен?

— Пожалуй. Вернее, был какое-то время: как раз когда нашему поколению удалось мощно о себе заявить. Сейчас кинематограф опять стал закрытым, правда, в последние годы туда никто особенно и не стремился.

— Коль скоро вы сценарист и специального режиссерского образования не получили, то какие правила добросовестного режиссерского поведения сознательно игнорируете? Может быть, снимаете без репетиций? Или не позволяете актерам читать сценарий, на площадке они только выполняют команды: «Пройдись, выпучи глаза, упали замертво»? Или, напротив, исполнители у вас импровизируют до умопомрачения?

— Я стараюсь действовать по науке: скажем, общаться с артистом как бы по Станиславскому. Я действительно нигде этому не учился, хотя читал книжку и знаю два-три завета, чего, в принципе, достаточно.

— А собственных железных законов режиссуры не вывели?

— Нет. Большие того — я, честно говоря, не очень себе представляю, в чем, собственно, суть этой профессии. Для меня переход к ней был естественным продолжением занятий сценарным делом. Я рассказывал историю, а потом выяснилось, что она недорассказана, что ли. Потому что непонятно, в каких визуальных образах она может быть решена. И поначалу мне казался важным именно способ изложения, киноязык. Но на сегодняшний день мне не интересно шаманство, раздуваемое вокруг слова «режиссура». То есть понятно, что делают на картине сценарист, актеры, оператор. Но что такое «режиссура», я не понимаю. По-моему, это просто некая воля рассказать историю: организовать всех участников так, чтобы они профессионально и увлекательно донесли ее до зрителя, вот и все. Вопросы киноязыка меня больше не занимают.

— Как это не занимают? Ваша последняя режиссерская работа — фильм «Сerp и молот» (впрочем, и «Кикс» тоже) — был стилистически весьма эффективным.

— Вот с тех пор и не занимают. Повышенное внимание к форме выражения — естественное свойство роста. Но со временем убеждаешься, что не столь уж важно как: все равно поймут. Сейчас мне интересней все-таки не как, а о чем.

— По поводу того же «Серпа и молота» Боссарт написала, что им вы закрыли тему, заявленную в «Покаянии» Абуладзе, и довели абсурд до абсолюта, буквализировав советскую мифологию о равенстве мужчины и женщины, о стирании грани между сказкой и былью и так далее. Вы уже присмотрели, что бы такое закрыть в следующей работе? Или, сделавшись директором киностудии Горького, категорически не собираетесь больше снимать кино?

— Нет, собираюсь. Как только почувствую, что мне и моим товарищам удалось кардинально изменить ситуацию на студии, я снова готов снимать. Надеюсь, что буду режиссером, а не чиновником.

— Кажется, вы вместе с Бахитом Килибаевым задумали телесериал, в создание которого предполагаете вовлечь три десятка ровесников. Но где вы наберете столько режиссеров своего поколения?

— Уже набрали. У нас готов синопсис сериала, в котором каждый из тридцати участников сделает одну серию. Сценарист Петр Луцки обработал и свел воедино написанные ими сценарии, которые составят историю одной коммуналки.

— Тема, по-моему, несколько заезжена.

— Вы же не знаете, как мы собираемся ее решать. Мы хотим, чтобы были представлены разные жанры: комедия, черная комедия, мелодрама, детектив и так далее.

— А вы какой жанр избрали?

— Сейчас посмотрю: мы так давно писали, что я уже не помню.

— Может, на комедию отважиться?

— Точно, комедия. Называется «Инспектор». В сериале, как это принято, будут действовать одни и те же персонажи, но их характеры могут очень сильно меняться. Если герой сегодня был...

—...маньяком и убийцей, то завтра превратится в идеального мужа-подкаблучника. А когда зрители увидят эту работу?

— Неизвестно. Пока нет денег.

— И ваши коллеги безоговорочно согласились лечь в братскую могилу? Ведь от участия в аналогичном, хотя и не столь масштабном проекте — фильме «Прибытие поезда» — помнится, Тодоровский и Дыховичный в свое время уклонились.

— Было несколько человек, которые отказались: Андрей Черных из Петербурга, кто-то еще. А в основном все откликнулось: Балабанов, Хван, Тодоровский, Пичула, Месхияев...

— Многие режиссеры старшего поколения восприняли кинематограф как возможность донести до аудито-

кретно о вашей студии, то речь идет об акционировании, которое вы затеяли? Частные вложения могут поступить только в этом случае?

— Разумеется.

— Я читала, что вы хотите осуществить здесь полный цикл современного кинопроизводства, включая запись картин на видеокассеты, предоставление режиссерам возможности использовать спецэффекты и многое другое. Но считается, что коммерческим банкам выгоднее давать деньги в краткосрочный кредит, чем вкладывать в затею, которая неизменно когда окупится.

— Почему? Известно. Она окупится очень быстро. Я же на данном этапе говорю не о вложениях в производство фильмов, которое при полном отсутствии проката нерентабельно, а о вложении в техническую базу: в камеры, осветительные приборы и так далее. Это как раз чрезвычайно перспективно. Техника, предоставленная съемочной группе (а картины-таки снимаются), оплачивается из бюджета фильма, вне зависимости от того, как он потом пойдет в прокате. К сожалению, сейчас у нас разрушена сама культура кинопроизводства, последние крупные закупки аппаратуры были сделаны в 60-е годы. Отсутствуют даже некоторые серьезные кинопрофессии, без которых невозможно снимать кино, отвечающее современному уровню требований.

— Не обозначилось ли на студии некоторой оппозиции вашим начинаниям? Может быть, люди опасаются, что после акционирования окажется гораздо проще открыть здесь гостиницу и казино, чем возрождать кинопроизводство?

— Это иллюзия, что гостиница — страшно прибыльная штука в сравнении с киностудией. Я уж не говорю о том, что заподозрить в двойной игре меня и моих товарищей — Тодоровского, Пичула, Хвана — просто дикость. Впрочем, вы высказали основное опасение, которое неизбежно возникает в разговоре об акционировании чего угодно: как бы этот процесс не вылился в нечто «совсем другое». (Нефтяную скважину мы здесь откроем, что ли?)

Между тем большинство киноучреждений перепрофилируется безо всякого акционирования, ползучим способом. Московские кинотеатры в основном функционируют в качестве мебельных салонов, на киностудиях устроены склады, поскольку нужно как-то содержать раздутые штаты и оплачивать электроэнергию, коммунальные услуги и прочее. Тем временем уже подросло поколение детей, которые ни разу не бывали в кинотеатре и потребляют кино через видео и телевизор, а это способ не то что неправильный, а недостаточный. Я думаю, кино нужно смотреть в больших залах и как бы всем вместе. Если эта культура будет утрачена, то мы, профессионалы, останемся без поля деятельности. Поэтому меня больше всего интересует задача, с одной стороны, романтическая (сохранить этот традиционный образ жизни и способ передачи и восприятия информации), а с другой — вполне прагматическая (организовать собственное будущее).

Сегодня мне катастрофически недостает массового психоза вокруг кино — это ненормально, если звезды могут спокойно ходить по улице, на них не glareют, их не осаждают поклонники.

Кстати, кроме всего прочего, кино колоссально объединяет людей, предположим, сегодня вся страна смотрит фильм Гайдая, завтра — Рязанова, потом — Матвеева...

— Так ведь смотрят и по телевидению. Традиция доперестроечного коллективного сочувствования на всевозможных кинопремьерах давно утрачена. А за последние годы обыватель устал от массовых радений любого свойства и инстинктивно спасает собственную психику, сидя у ящика, от которого вы его не оторвете. Невозможно реконструировать ушедшую в прошлое реальность, жизнь переменилась.

— Не ходить в кино — не есть родовая черта современной жизни. Это случайное уродство, которое возникло на нашей карте. В других странах люди по пятницам выстраиваются в очереди за билетами на кинопремьеру.

— Вы уверены, что повсюду?

— Практически повсюду. А ваши рассуждения аналогичны тому, как если бы мы зашли в забытую богом лавку, где на полках один майонез да хмели-сунели, и глубококомысленно заметили: «Да, люди перестали ходить в магазины, и с этим ничего не поделаешь». Но зачем ходить туда, где купить нечего? Вон в супермаркетах — полно народу. Точно так же и с кинематографом: качество услуг, предлагаемых кинотеатрами, никого не удовлетворяет, поэтому публика посещает другие места. Пойти-то есть куда: процветают шоу-бизнес, дискотеки и прочие формы развлечения.

— Что ж, я искренне надеюсь, что вам удастся изменить вышеописанную ситуацию, и через пару лет восхищенные зрители оборвут все ваши пуговицы на премьере нового фильма в новом же супермар... простите, суперсовременном кинотеатре.

— Bravo! Чудесная шутка.

рии какую-то идею, заявить о своих убеждениях — то есть относиться к фильму как к посланию. Есть ли у вас, представителя иной генерации, скажем, любимая мысль, которую вы хотели бы внушить своим зрителем? Может быть, даже непосредственно молодым — так называемому поколению «Х», например?

— А что, существует и такое?.. Ни о каком послании, конечно, речи быть не может. Глупо мнить себя Господом Богом, чтобы провозглашать послания человечеству.

— Но через рассказанную историю вы можете воздействовать на зрительское сознание.

— Именно этого я и хочу. Но не путем внушения какой-то маниакальной идеи. Я надеюсь обсуждать со своими современниками волнующие их и меня проблемы.

— И какая из проблем, пригодных для всеобщего обсуждения, вас сейчас занимает наисильнейшим образом?

— Сейчас наисильнейшим образом меня занимает вопрос далеко не творческий: как вернуть кинематографу возможность разговаривать с максимальным числом людей. Как превратить кино в мощнейший вид массовой коммуникации и популярное развлечение. Я снял в качестве режиссера два фильма и понял, что делать третий в условиях развала кинопроизводства и полного зрительского вакуума не хочу. «Ассу» посмотрели двадцать миллионов человек — я еще помню, что это такое, поэтому мне скучно делать кино, которое видят лишь двадцать тысяч. Самовыражаться мне неинтересно.

— Но как вы можете повлиять на ситуацию?

— В ближайшее время собираюсь участвовать в назревшем процессе обращения кино к зрителю.

— А если говорить более конкретно?

— Конкретно — стал заниматься студией Горького как инструментом организации нормального кинопроцесса, чтобы здесь можно было снимать фильмы, соответствующие сегодняшнему уровню кино. Сейчас важно способствовать внедрению понимания, что кинематограф должен кормиться со зрителя, а не с государства. То есть прежде всего должны нормально заработать кинотеатры.

— Как вы, директор киностудии, можете воздействовать на сферу проката?

— Очень просто. Дело в том, что готовится к реализации идея объединения кинотеатров в общенациональную сеть. Кинематографисты в последние годы только и делали, что дергали правительство за штаны и твердили: мы сеем разумное, доброе, вечное, поэтому вы должны дать нам денег. Правительство выделяло какие-то подачки и отпихивалось. Потому что раньше кинематографисты кормили учителей и врачей, а сейчас их самих почему-то приходится кормить.

— Но если публика предпочитает смотреть видео, в кинотеатры вы ее все равно не затасите.

— Затасим. Вернее, люди сами с удовольствием пойдут. Они не ходят не в любое кино, а туда, где холодно, где воняет туалетом, где сломанные стулья и драный экран. В такие кинотеатры ходить грешно.

— Но новых-то вы не постройте.

— Почему бы и нет? Средства в эту отрасль готовы прийти, во всем мире она страшно прибыльная, станет такой и у нас.

— Почему же этого до сих пор не произошло?

— Потому что до сих пор это нет государственной воли, которая бы воплотилась в государственную концепцию. Я думаю, самая правильная форма государственной поддержки — это не выдача ссуд на безвозвратной основе, а формирование законодательной базы, чтобы создать условия для привлечения частных вложений.

— То есть, если говорить кон-